

УДК 811.161.1'282

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ЛЕКСИКАЛИЗОВАННЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

© 2011 г.

И.В. Толкачева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

irzim@list.ru

Поступила в редакцию 29.11.2010

Рассматриваются основные причины возникновения лексикализованных нерегулярных фонетических явлений в русских говорах. Изменение внешней формы диалектного слова отражает, с одной стороны, развитие фонетических процессов в истории русского языка, с другой – часть нерегулярных явлений объясняется словотворчеством носителей русских диалектов.

Ключевые слова: диалектная фонетика, нерегулярные изменения, лексикализация.

Современные диалекты русского языка представляют собой сложные языковые системы, что обусловлено как общезыковыми особенностями, процессами и тенденциями, так и диалектными специфическими образованиями, их функционированием. Это касается любого языкового уровня. Так, фонетические явления говоров не представляют собой неких застывших, завершенных явлений – они подвержены различным изменениям и нередко, как показывают исследования, находятся в неустойчивом, переходном состоянии. Регулярные фонетические явления в говорах сосуществуют с особенностями нерегулярными, со всевозможными отклонениями и исключениями. Интенсивное влияние литературного языка также приводит к утрате диалектными фонетическими системами своей регулярности. Характеризуя фонетические системы русских народных говоров, находящиеся под сильным влиянием литературного языка, Л.И. Бараникова приходит к выводу, что в них «развиваются особенно сложные и своеобразные процессы изменения диалектных фонетических систем, проявляются своеобразные переходные типы» [1, с. 124]. Одним из примеров многообразия фонетических процессов в говорах на современном этапе их развития являются участвовавшие факты лексикализации нерегулярных изменений, то есть перевод собственно фонетического явления в разряд лексических. Образуются единицы переходного плана, когда за появлением внешне новой лексической единицы стоят не семантические, а чисто фонетические причины. Все это порождает широкую вариативность диалектного слова, большую изменчивость фонетического облика слова (по сравнению с литературным языком).

Выявление и изучение нерегулярных особенностей в системе говора становится все более важным в последнее время, поскольку влияние литературного языка на территориальные диалекты значительно возросло за последние несколько десятилетий. Это ведет к нивелировке регулярных языковых черт, утрате исконно диалектных образований, размыванию границ говоров (как ареальных, так и языковых – все большее сближение испытывают диалекты с просторечием). На первый план, таким образом, выдвигаются периферийные явления, которые постепенно приходят на смену устойчивым регулярным особенностям.

Наблюдению и анализу в проводимом исследовании подверглись факты лексикализованных нерегулярных фонетических изменений, зафиксированные в картотеке Диалектного словаря Нижегородской области (далее – ДСНО), Ярославском областном словаре (далее – ЯОС), Словаре русских говоров на территории Мордовской АССР (далее – МС), Словаре современного русского народного говора села Дедулина (далее – ДС).

Анализ исследуемых единиц позволил выявить несколько причин возникновения нерегулярных изменений и их последующей лексикализации в фонетических системах говоров:

1. «Консервация», «застывание» фонетического явления в том виде, какой оно имело в древнерусском языке, но утратилось в литературном в силу различных причин. Лексемы данной группы в своем внешнем облике отражают результаты действия праславянских и собственно восточнославянских процессов в фонетической системе праславянского, а затем и древнерусского языков. В литературном язы-

ке в данных лексемах исконное звучание уступило место церковнославянскому произношению.

К данной категории относятся, во-первых, такие слова, как: *надежа* «надежда» (ДСНО, ДС), *надѣжа* «надежда» (ДСНО, МС), *одежа* «одежда» (ДСНО), *одѣжа* «одежда» (ДСНО, ДС), *преже* «прежде» (ДСНО, МС), *рожество* «рождество» (ДСНО), *рожесво* «рождество» (ДСНО), *рожесто* «рождество» (ДСНО); *вообще* «вообще» (ДСНО), *обчежитие* «общежитие» (ДС), *общий* «общий» (ЯОС, МС). Данный массив представляет собой реализацию праславянского процесса палатализации в результате воздействия [j] на переднеязычные согласные, результаты которого в разных диалектах общеславянского языка могли быть как одинаковыми, так и различными. Так, представленные лексемы отражают процесс изменения сочетаний *dj и *tj, который дал разные результаты в языках будущих западных, южных и восточных славян. Западнославянский диалект реализовал в своей фонетической системе изменение [*dj]>[d'z'], [*tj]>[c']; южнославянский диалект – [*dj]>[z'd'] и [*tj]>[s't']; на восточнославянской же почве эти сочетания привели к образованию мягкого звонкого шипящего и мягкой аффрикаты, то есть [*dj]>[ž'], [*tj]>[č']. С этимологической точки зрения древнерусские *одежа*, *надежа*, *преже*, *рожество* (и аналогичные им диалектные) есть результат влияния [j] на звонкий переднеязычный [d] (ср. *odedja, *nadedja, *perdje и т.п.), а *объчни* – на глухой переднеязычный [t] (ср. *obyčj-). В фонетическом облике диалектного слова *помочь* «помощь» (МС) закрепился результат праславянского изменения групп согласных *gt и *kt перед гласными переднего ряда, которое имело такую же судьбу в диалектах, как и изменение *tj (ср. *mogtei>*mokti ([g]>[k] в результате оглушения), др.-русс. *мочи*, ст.-слав. *мошти*, польск. *mos*).

В одном хронологическом срезе с вышерассмотренными изменениями лежат и истоки внешней модификации таких диалектных лексем, как: *жеребий* «жеребий» (ДСНО), *молодонец* «младенец» (ЯОС), *молочий* «младший» (ЯОС), *озорочок* «зрачок» (ЯОС), *среда* «среда» (ДСНО, МС), *смород* «смрад» (ЯОС), *сОром* «срам» (ДСНО), *сОрОм* «срам» (ЯОС), *терёзвый* «трезвый» (ДСНО, ЯОС, МС). Представленные лексикализованные единицы являются результатом развившегося на восточнославянской почве полногласия, то есть изменения праславянских сочетаний гласных с плавными (*og, *ol, *er, *el). В связи с действием

закона открытого слога данные сочетания, попадая в положение между согласными (*tort, *tolt, *tert, *telt), то есть образуя закрытый слог, изменялись в диалектах праславянского языка. Так, в языке восточных славян плавный согласный оказался долгим, что вело к увеличению у него слоговости. Он отделился от предшествующего гласного, образуя новый слог, где после слогового сонора стал развиваться вторичный гласный, который со временем стал гласным полного образования, то есть произошло становление полногласных сочетаний типа [torot], [tolot]. Представленные в нашем материале 8 лексем с сохранением полногласных сочетаний показывают значительную территорию распространения (зафиксированы почти во всех рассматриваемых говорах) и довольно большую частоту фиксации (*жеребий* – 5 словоупотреблений в ДСНО, *молодонец* – 8 словоупотреблений в ЯОС, *среда* – 11 словоупотреблений в ДСНО, 2 словоупотребления в МС в, *терёзвый* – 1 словоупотребление в ДСНО, 5 словоупотреблений в ЯОС, 3 словоупотребления в МС и т. д.). Интересно, что в материалах рязанских говоров обнаружены примеры сохранения в говоре неполногласных сочетаний в лексемах *древо* «дерево» (ДС), *младость* «молодость» (ДС), причем в стилистически нейтральных значениях, тогда как в литературном языке эти слова в данных значениях воспринимаются либо как устаревшие, либо как стилистически ограниченные (в поэтической речи).

Различная судьба сочетаний гласных с плавными *og, *ol отразилась и в фонетическом облике других лексем из наблюдаемого массива: *робота* «работа» (ДСНО), *роботать* «работать» (ДСНО), *робёнок* «ребенок» (МС), *робята* «ребята» (ДСНО). Здесь речь идет, однако, о реализации другой фонетической позиции этих сочетаний – начало слова перед согласным. В общем виде изменение этих сочетаний в данной позиции шло в том же русле, что и изменение сочетаний типа *tort, однако, кроме долготы гласного, важным фактором развития изменения была интонация, характерная для данного слога. Если эти сочетания оказывались под нисходящей интонацией, то в южнославянском диалекте они совпали с результатами изменений под восходящей интонацией ([rat], [lat]), а в восточнославянском и западнославянском это положение привело к образованию сочетаний [rot], [lot] (ст.-слав. *лакътъ*, др.-русс. *локоть*, польск. *łokieć*). Приведенные выше в качестве примеров диалектные лексемы этимологически восходят к одному корню *orb-. В литературном языке возникновение *a* на месте *o* объясня-

ется двумя способами: это может быть влияние старославянского языка, а может быть никак не связанный с ним процесс развития на русской почве аканья. Поскольку эти слоги оказывались всегда в неударной позиции, то акающее произношение закрепилось и в написании (*работа, работать*) [2, с. 130]. Изменение же *o* в *e* в слове *ребёнок* стало закономерным результатом межслоговых ассимиляционных процессов. Интересно отметить, что в диалектном материале слова с подобным изменением весьма немногочисленны, отмечены только в нижегородских и мордовских говорах. Однако этот факт никак не свидетельствует о «плохой» сохранности отражения рассмотренного процесса, поскольку для северных говоров вообще частотно регулярное произношение этимологического *o* на месте современного литературного *a* (не только в перечисленных словах, но и, например, в приставках раз-/рас-), поэтому словари просто не фиксируют эту черту, поскольку круг слов с подобным изменением может быть неограничен, то есть реализуется оно не на лексическом, а только на фонетическом уровне.

Необходимо отметить еще несколько лексем, которые сохранили в диалектах свое древнерусское произношение, тогда как в литературном языке изменились под влиянием действующих фонетических закономерностей: *топерь* и *таперь* «теперь» (ДСНО, ДС, ЯОС, МС), *топеря* и *таперя* «теперь» (ДСНО) – из др.-русск. *топърво*; *одиоличный* «единоличный» (ЯОС) – сохранение восточнославянского начального [o] при [e] или [je] в других славянских языках (однако отметим и наличие старославянского корня *един-*: *единаково* «одинаково» (ДСНО).

Таким образом, в диалектах отмечается достаточно много лексем, отразивших в своем фонетическом облике процессы, проходившие в праславянском и древнерусском языках, но результаты которых в эквивалентных случаях утрачены по разным причинам в литературном языке.

2. *Стирание некогда регулярных и действующих фонетических черт* в русских говорах. Внешний облик лексем данной группы представляет собой лексикализацию результатов действия различных по своей природе фонетических процессов в диалектах. В доказательство выдвигаемого положения приведем лишь некоторые примеры.

В некоторых говорах (преимущественно среднерусских) становление категории твердости-мягкости согласных привело к регулярному изменению заднеязычных взрывных согласных

в позиции перед следующим гласным переднего ряда: [к']>[т'] и [г']>[д']. Подобное переходное смягчение заднеязычных отмечается в русских говорах в нескольких положениях: 1) перед гласными переднего ряда во всех без исключения словах и во всех положениях в слове, то есть и при чередованиях в пределах слов (*рука* – *ру[т']и*, *нога* – *но[д']и*) и вне чередований, в корнях слов (*[т']ислый*, *[т']ино*, *[д']ектар*); последнее изменение заднеязычных, как правило, не сопровождается смягчением этих согласных в формах слов, то есть чаще всего носит лексикализованный характер; 2) после мягких согласных (*Ва[н'т'а]*, *лю[л'т'а]*, *О[л'д'а]*). Данное смягчение территориально совпадает или соседствует, а следовательно, одновременно поддерживается и ограничивается процессом прогрессивного ассимилятивного смягчения заднеязычных согласных (*до[ч'к'а]*, *Ва[н'к'а]*).

В исследуемом материале отмечено несколько лексем, фонетический облик которых объясняется описанным процессом: *тилограмм* «килограмм» (ЯОС), *типяток* «кипяток» (ДСНО), *дектар* «гектар» (ДСНО), *дипюр* «гипюр» (ДСНО), *дитара* «гитара» (ДСНО). Все слова имеют изменения заднеязычного согласного в пределах корневой морфемы. Следует отметить и тот факт, что ареально эти лексемы фиксируются в более северных говорах рассматриваемой территории, причем для части этих говоров (например, для Владимиро-Поволжской группы) свойственно как прогрессивное смягчение, так и переходное смягчение заднеязычных [3, с. 156]. Показательным для подобных лексикализованных случаев является и происхождение трансформированных лексем: все представленные в нашем материале слова являются заимствованиями. С одной стороны, их звуковой облик не поддерживается производящей базой; с другой – изменения происходят в морфемах, которые не проверяются другими словоформами. Это создает благоприятные условия для влияния диалектной фонетической системы на иноязычный фонемный состав.

Практически на тех же территориях (в нижегородских говорах – в северных, а не юго-западных районах, как вышерассмотренные лексемы) отмечены случаи и обратной замены, то есть наличие заднеязычного мягкого [к'] на месте переднеязычного [т']: *кесто* «тесто» (ДСНО), *кесьма* «тесьма» (ЯОС), *кетрадка* «тетрадка» (ЯОС). Такое произношение может объясняться случаями проявления гиперизма: при завершении становления у заднеязычных категории твердости-мягкости исконные палатализованные зубные, которые раньше выпол-

няли в какой-то степени функции мягких задне-небных, стали подменяться в некоторых случаях (отметим снова, что перед нами заимствованные, новые для говоров лексемы) мягкими заднеязычными.

Другой регулярной чертой, которая стала причиной возникновения ряда лексикализованных нерегулярных фонетических изменений, стало цокающее или чокающее произношение в некоторых говорах. Фонологическая система таких диалектов знает только одну аффрикату (либо дентальную [ц], либо альвеолярную [ч]), причем в различных их отношениях к палатализованности. Наиболее древним по происхождению на диалектной восточнославянской почве является цоканье. В новгородских памятниках оно отмечается (как смешение при написании букв «ц» и «ч») уже с XI в., поэтому исконную территорию данного явления обозначают на месте северных и северо-западных территорий Древней Руси. В настоящее время под влиянием литературного языка происходит все большее освоение ранее цокающими или чокающими говорами противопоставления двух аффрикат – системы с различием одной аффрикаты в чистом виде исчезают, однако реликты старого произношения остаются на некоторых территориях в лексикализованном виде. Рассматриваемый материал дает только один случай употребления «ч» на месте «ц» – *чарапаться* «царапаться» (МС), вероятно, с ассимилятивным смягчением последующего сонора. Однако, в некоторых говорах происходят и другие изменения с аффрикатами – ослабление взрыва и утрата у них смычки: $ч' \rightarrow 'ш' \rightarrow 'ш'$ или $ц \rightarrow 'с \rightarrow с$. Говоров с регулярным произношением [ш] на месте [ч] (шоканье) или [с] на месте [ц] (соканье) весьма немного, кроме Средней России, они распространены в Сибири и на Дальнем Востоке. Основной причиной подобного произношения считается попытка цокающих и чокающих говоров перейти по образцу литературного языка к различению двух аффрикат [4, с. 65–66]. В большей же части говоров, которые или знали ранее цокающее/чокающее произношение, или усваивали такое распределение аффрикат через заимствование отдельных лексем (в лексикализованном виде), сокающие и шоканье черты сохранились лишь в фонетическом облике ограниченно-го числа слов.

Исследуемый материал территории отражает замену [ц] на [с] в следующих лексемах: *сарапата* «царапата» (МС), *сарапина* «царапина» (ЯОС), *сыган* «цыган» (ЯОС), *сыплёнок* «цыпленок» (ЯОС); *свет* «цвет» (МС, ДС), *светок* «цветок» (ДС, МС). Отметим, что данные линг-

вогеографии отмечают как регулярную черту совпадение аффрикат [ц] и [ч] на рассматриваемой территории только для восточных среднерусских акающих говоров (это часть русских говоров на территории Мордовии) [3, с. 158]. Тем самым, на первый взгляд, возможностью отражения старых фонологических отношений объясняются только факты, отраженные в словаре мордовских говоров, тогда как ярославские лексемы должны быть объяснены, вероятно, заимствованиями. Однако на тех же самых территориях в нашем материале фиксируются лексемы с обратным изменением – заменой исконного щелевого [с] на аффрикату [ц], то есть своеобразные гиперкоррекционные формы: *цабля* «сабля» (ЯОС), *цап* «сап» (ЯОС), *царай* «сарай» (МС), *цвёкла* «свёкла» (ЯОС), *цыгара* «сигара» (ЯОС), *цас* «сейчас» (МС). Это может служить, думается, одним из доказательств, хотя и весьма условным, существования изначального цоканья на территории данных говоров, поскольку гиперизмы возникают, как правило, именно из стремления системы освоить какое-либо новое для нее фонологическое противопоставление.

Такое положение подтверждается, на наш взгляд, и распространением в ярославских говорах лексем с заменой сочетания *чн* на *сн*: *молосный* «молочный» (ЯОС), *пошенисный* «пшеничный» (ЯОС), *пашанисный* «пшеничный» (ЯОС), *пошенистый* «пшеничный» (ЯОС). Поскольку из [ч] никак не может получиться [с], то вероятно предположить, что на месте сочетания *чн* в говоре было сочетание *цн*, которое после падения редуцированных утратило смычку и дало *сн*. Лингвогеографические исследования отмечают распространение этих лексем как раз в северной части Владимиро-Поволжской группы говоров, а также лексемы *молосный* в Костромской группе, к которой частично относятся и ярославские говоры.

Особого рассмотрения требуют, на наш взгляд, лексемы *свет* и *светок*, отмеченные в рязанских и мордовских говорах. Именно для южновеликорусских говоров свойственно изменение [ц] в корне *цвет-* в сторону его смягчения под влиянием последующего мягкого губно-зубного [в] (*[ц'в'эт]*) [5, с. 135]. Приобретенная мягкость дентального звука ведет к ослаблению у него смычки и затем полную ее потерю, что и отражается в произношении корня *свет-*.

Таким образом, в условиях все большей нивелировки современных говоров под влиянием литературного языка регулярные диалектные особенности постепенно исчезают, однако не совсем, а часто становятся основой для много-

численных нерегулярных изменений, большинство из которых лексикализуется в фонетической оболочке конкретного слова.

3. *Наличие живых, словотворческих процессов* в говорах, ведущих к лексикализации внешней формы слова, – *адаптации «новых заимствований»*, т. е. иноязычных лексем, пришедших в говоры через литературный язык, и *народной этимологии*. В ходе освоения говором заимствованных слов их фонетическая оболочка изменяется, что в первую очередь связано с немотивированностью иноязычной лексики, ее более легкой включаемостью в действующие фонетические закономерности. Именно действием процессов ассимиляции, диссимиляции, диерезы, эпентезы и т. д. объясняются появления в говорах таких лексем, как *автобус* «автoбус», *меземин* «мезонин», *аероплан* и *ароплан* «аэроплан», *ветиниларный* «ветеринарный», *легистрировать* «регистрировать», *гортендия* «гортензия» и т. д. Переогласовка исконного звучания связана, как правило, с устранением несвойственных русскому языку вокалических или консонантных сочетаний, стремлением к экономии языковых средств. Ярким примером освоения противоречащих законам русского языка сочетаний является заимствованное в XIX в. из английского языка слово *пиджак*. В русском языке «после взрывного зубного или переднеязычного не может быть щелевых того же места образования» [6, с. 90]. В говорах же происходит замена взрывного переднеязычного [д] на носовой переднеязычный сонор [н] – *пинжак* (ДСНО, МС). Трансформация данного слова в диалектах приводит и к другим изменениям, которые накладываются на вышеописанный переход [д] в [н]: а) с точки зрения гласных происходит увеличение резонирующего пространства за счет перехода [и] в [е] – *пенжак* (ДСНО); б) звук-заменитель [н'] приобретает мягкость (возможно, под влиянием соседнего мягкого [п']), что не противоречит законам сочетаемости русского языка – *пиньжак* и *пеньжак*.

В исследуемом материале также можно выделить небольшую группу слов, изменение фонетического облика которых напрямую связано с освоением говором нового иноязычного слова, которое не только не имеет мотивированности для носителей диалекта, но и сама реалья, которая им обозначается, лежит вне поля сознания жителей села: *куликоз* «глюкоза» (ДСНО), *фьискотека* «дискотека» (ДСНО), *лицомер* «милиционер» (ДСНО), *фанер* «шифоньер» (ДСНО), *кульставатор* «экскаватор» (ДСНО), *репатрируванный* «репатрированные»

(ДСНО), *репотруация* «репатриация» (ДСНО), *культеп* «факультет» (ДСНО), *рикулировать* «эвакуировать» (МС). О «новизне» подобных слов в речи диалектоносителей свидетельствуют и хронологические данные фиксации некоторых лексем (такие данные мы можем получить из картотечного фонда ДСНО), а именно: *культеп* – 1964 г., *кульставатор* – 1967 г., *куликоз* – 1971 г., *репатрируванный* – 1983 г., *фанер* – 1985 г., *фьискотека* – 2001 г. Интересным является лексема *лицомер*, иллюстрация к которой как раз отражает тот факт, что освоение иноязычного слова в говоре происходит в непосредственный момент: «*Всё говорила лицомер вместо милиционер*» (Городецкий район Нижегородской области).

Близок по своей сущности к вышеописанному процессу адаптации говорами иноязычных заимствований и такой акт диалектного словотворчества, как народная этимология, который сводится к тому, что слова, заимствованные или просто лишенные внутренней мотивированности, следовательно, «малопонятные» носителям диалектов, соотносятся с более знакомыми. Выделяется два основных принципа проявления народной этимологии: «восстановление» внутренней формы заимствованного слова, ремотивация звучания и значения (*мелкоскоп* – связано с «мелкий») и собственно фонетическое сближение исконных (в частности, русских или общеславянских) лексем, утративших в языке производящее слово, с близкими по звучанию, а уже затем сближение и по значению (в народной этимологии *слеза* – это то, что *слезает* / *стекает* по щеке). Часто, однако, эти два принципа при народной этимологии не разграничиваемы, тесно взаимосвязаны.

Примерами действия рассматриваемого процесса «возвращения» мотивированности слова в результате народной этимологии в исследуемом материале оказываются, на наш взгляд, следующие лексеммы: *воздырь* «волдырь» (ДСНО) – вероятно, соотносится с существительным «воздух», то есть болячка, как бы накачанная воздухом; *грыжовник* и *гружовник* «крыжовник» (ДСНО) – ассоциируется с глаголом «грызть»; *духлый* «тухлый» (ДСНО) – возможно, по аналогии с плохим запахом, тяжелым духом; *небель* «мебель» (ДСНО, МС, ЯОС) – как сближение с *не-* и *белый*; *тушогрейка* «телогрейка» (ДСНО) – использование в качестве первого компонента сложного слова другого слова (туша) со значением «тело»; *трухмар* «крахмал» (МС) – вероятно, по аналогии с «труха», то есть вещество очень мелкой консистенции; *костяника* «костяника» (ДСНО) – оче-

видно, по способу роста ягод *кистями*; **полосированный** «плиссированный» (ДСНО) – возможна ассоциация с «полоса», то есть одежда со складочками, которые напоминают полосы.

Безусловно, действие народной этимологии в живой устной речи нельзя считать умирающим, поскольку появление все новых и новых реалий, а следовательно, и их обозначений рождает все большую словотворческую активность языка, одним из орудий которого и является попытка «найти» мотивационное звено в наименовании неизвестного предмета.

Итак, фонетические нерегулярные изменения требуют тщательного исследования для определения причин своего возникновения. Сложность выявления исторических механизмов лексикализации нерегулярных особенностей применительно к анализируемому материалу связана во многом с недостаточной полнотой изученности фонетических систем рассматриваемых диалектов. Преимущественно это касается говоров Нижегородской области, которые не могут быть однозначно отнесены к какому-либо наречию или группе говоров. Это обуславливает определенную трудность при разграничении регулярных и нерегулярных явлений, приводящих к изменению фонетического облика слова. Попытка выяснения возмож-

ных причин возникновения нерегулярных особенностей с диахронической точки зрения показывает всю сложность нахождения первоисточника трансформации (внутриязыковые законы, заимствование и др.), последовательность изменений. Однако как вокалические, так и консонантные изменения, имея нерегулярный характер, все же не выходят за рамки системы диалектного языка в целом.

Список литературы

1. Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период (к проблеме соотношения языка и диалекта). Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1967. 206 с.
2. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
3. Захарова К.В., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 166 с.
4. Русская диалектология: Пособие для вузов / Под ред. В.В. Колесова. М.: Дрофа, 2006. 267 с.
5. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР, 1949. 336 с.
6. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.

REASONS FOR THE OCCURRENCE OF IRREGULAR LEXICALIZED PHONETIC CHANGES IN RUSSIAN DIALECTS

I.V. Tolkacheva

The author considers main reasons for the occurrence of irregular lexicalized phonetic phenomena in Russian dialects. On the one hand, the changes in the external form of a dialect word reflect the development of phonetic processes in the history of the Russian language. On the other hand, some irregular phenomena can be explained by the language creativity of speakers.

Keywords: dialectal phonetics, irregular changes, lexicalization.